

Интервью с Александрой Владимировной ДМИТРИЕВОЙ

«НИКАКАЯ СМЕНА НИШИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, МЕСТА РАБОТЫ НЕ СМОГУТ МЕНЯ СЕЙЧАС ПЕРЕУБЕДИТЬ В ТОМ, ЧТО Я СОЦИОЛОГ»

Дмитриева А. В. — окончила (2009 г.) кафедру издательского дела, рекламы и редактирования Северо-Западного Института печати (бывший филиал Московского Полиграфического университета); кандидат социологических наук, (2012 г.), преподавала на кафедре рекламы в Университете технологии и дизайна (2009 – 2012), на факультете социологии СПбГУ (2011 - 2014), была научным сотрудником Центра независимых социологических исследований (2012-2014). Социолог-консультант в нескольких российских и зарубежных организациях.

Основные области исследования: потребление наркотиков, социальная структуризация, биографические исследования.

Интервью состоялось: октябрь 2014 г. – январь 2015 г..

Хотя Александра Владимировна Дмитриева, все – в силу ее молодости и высокой расположенности к людям – называют ее Сашей, хорошо, четко пишет, наша с ней беседа получилась очень короткой. Я вижу в этом три причины.

Первая причина: Саша – реактивна, ее переполняет множество планов, она старается работать по многим направлениям. Потому интервью – как взрыв, в нем чувствуется импульсивность моего собеседника.

Вторая причина: время нашего интервью совпало с периодом, когда Саша завершала свою более, чем двухлетнюю деятельность избранного председателя правления Санкт-Петербургской Ассоциации социологов. Ей «доверили» эту должность в конце 2012 года, спустя всего два месяца после защиты ею кандидатской диссертации. Не знаю, есть ли еще в России руководители региональных социологических ассоциации, которым уже после сложения своих полномочий не было и 30 лет.

И третья причина, в профессиональной жизни Саши Дмитриевой наступает новая полоса – расширились география ее научных исследований и спектр профессиональной деятельности. Она закончила участие в московском проекте – «Уличные юристы», в котором документировала взаимодействия социальных работников, юристов и потребителей наркотиков, как правило, живущих на улице. В ближайшие два года Саша будет работать в исследовании по включению/исключению пожилых (грант РНФ), а также продолжать консультировать различные организации по вопросам осуществления проектной деятельности российскими НКО.

Дмитриева А. В. : «Никакая смена ниши деятельности, места работы не смогут меня сейчас переубедить в том, что я социолог»

Вы учились в обычной школе (обычных школах) или в нового типа (языковая школа, гимназия, лицей...)? Как (чем) запомнились Вам школьные годы?

Борис Зусманович, отличный вопрос для начала. Я училась в 4-х школах, все они были в среднем в 10 минутах ходьбы от нашего дома на Манежном переулке, на Чернышевской. Первая – обычная микрорайонная, ничем особо не запомнившаяся и ничем, наверное, не отличавшаяся от других подобных школ. Зато она находилась прямо напротив дома Мурузи, где жил Бродский, и очень многие петербургские фотографии с ним, как раз с этим домашним для меня видом – на Спасо-Преображенский собор, Манежный переулок, с которого начинается улица Пестеля, и как бы напротив моей первой школы (которой, однако, на этих фотографиях никогда не видно). Училась я в этой школе до пятого класса, запомнилось то, что до третьего класса не хотелось совсем ни с кем общаться, а потом все-таки пришлось начать. Социализация у меня происходила довольно-таки медленно и неохотно...

После окончания пятого класса, родители, как мне кажется, решили, что все-таки девочка из интеллигентной семьи должна учиться в школе «лучше». Более того, радикально лучше, начиная с шестого класса я училась в платной частной школе, которая находилась на шестом этаже Дома офицеров, т.е. фактически с другой стороны того же квартала (тогда еще угол Салтыкова-Щедрина и Литейного). Кстати, одна из причин доверия к этой непопулярной тогда форме обучения – директор школы, закончившая философский факультет и, если я не ошибаюсь, как и моя мама, защитившая кандидатский диссер по философии. В течение полутора лет я, можно сказать, «купалась» в обилии интереснейших предметов, не типичных для школьной программы (история философии, мифология, три иностранных языка, история искусств и пр.), и училась общаться с детьми самых разных людей, от мелких банкиров, бандитов до радиоведущих, продавцом недвижимости и т.д. Наверно, с этой школы начали формироваться мои первые представления о социальном разнообразии российского общества. Стоит сказать, что, несмотря на то, что полтора года я все-таки отучилась там, это было довольно дорого, а жили мы достаточно скромно, поэтому общение с детьми из сильно обеспеченных семей было необычным опытом для меня. Тем не менее, мы дружили, а родители моих друзей потом звонили маме и благодарили ее за то, что я «подтягиваю» их интеллектуально. Ни с кем из моих одноклассников из первой и второй школы я не общаюсь, и даже ничего не знаю о том, как сложились их судьбы.

В середине седьмого класса, благодаря «большой удаче», огромной коробке конфет (никогда ее не забуду, учитывая уровень тогдашнего товарного разнообразия) и шикарного букета цветов я попала в школу с углубленным изучением английского языка, которую закончил мой брат. Закономерный вопрос – почему родители не отдали меня туда сразу? Школа эта была бесплатной, но всегда славилась своей элитарностью. Например, я училась в одном классе с сыном глав-

ного на тот момент архитектора города и младшим племянником Гергиева, а мой брат учился с сыном главного художника и в параллельном классе с Милоновым (ха-ха!), а еще в какой-то момент там училась Ксюша Собчак. Все это накладывало специфический отпечаток на учителей, учеников и общую обстановку. Да, кстати, именно в этой школе я осознала существование евреев, в отличие от других классов, в которых я училась раньше, здесь этническая принадлежность была важным отличительным знаком, которым, как правило, гордились (если она была «правильной»). И, когда в 10-м классе, один из моих одноклассников с характерной фамилией произнес сакраментальную фразу: «Дмитриева, что-то у тебя нос какой-то еврейский!», я была счастлива. Но вообще-то просто интеллигентных людей там не очень любили, и у родителей остались очень тяжелые воспоминания о том периоде, когда в этой школе учился мой брат.

Поэтому попала я туда спустя столько лет. Первый школьный день начался с того, что одноклассник попытался смыть мой рюкзак в унитаз, но рюкзак для этого был слишком большим и надежным. Я не стала обижаться и ничего не стала делать в ответ, так вот мы и учились вместе все, как-то более-менее... А потом я стала подростком, от папы узнала кто такой «девиант», и осознала цель этого периода своей жизни как «борьбу с системой» и дело, не законченное моим братом. В 10-м классе меня выгнали с совершенно ужасными оценками практически по всем предметам, «тройки» согласились ставить только взамен на мой уход. Мне не нравилась школьная программа, поэтому в какой-то момент я стала отрицать все, что подавалось нам как правильное и важное. Это имело свои последствия, зато в риторическом жанре я определенно приобрела много навыков. Выгнали меня вместе с подругой, которую отчислили вообще как-то смешно — по причине того, что она пришла на экзамен с директором в футболке с какой-то неприличной надписью. Мы уже тогда были панками, поэтому понять эту тонкую грань между приличным и неприличным, если и могли, то точно не хотели.

После такого блистательного ухода нас согласились принять только в самую-самую обычную школу микрорайона. В ней не было совершенно ничего примечательного, кроме того, что, как мы выяснили позже, в кабинете истории был снят эпохальный порно-фильм «Школьница-2» (между прочим, выяснили мы это, разглядев на обложке видеокассеты знакомую школьную газету на заднем плане). Ну, и в этом классе я, как ни в одном другом тесном сообществе, осознала пропасть, которая существовала уже тогда между нами и нашими одноклассниками. Мы учились в 11-м классе, а они, наши ровесники, в большинстве своем не могли даже связно изложить свою мысль, что уж говорить о письменном жанре... Никто не читал книжек, не слушал музыку, не ходил в театр, не смотрел кино, им вообще ничего не было интересно. При этом пару раз меня не пустили в школу, потому что у меня были слишком старые оборванные джинсы (хотя я думала, что именно так нормальные джинсы и должны выглядеть). С горем пополам я окончила эту школу частично в ней, частично экстерном. Но 11-й класс это уже была совсем не школа, это была тусовка, первая работа, первые тексты, первая любовь...

Саша, нас объединяет и то, что мы росли в одном архитектурно-знаковом пространстве, я долго жил на улице Красной Конницы (теперь — Кавалергардская), мой старший друг, руководитель моей дипломной работы жил в той же парадной,

где и Бродский... О первой любви напишите, будет очень кстати, мы ведь беседуем о Вас, и она – часть Вас... а вот о первой работе и первых текстах – очень даже важно...

Первая любовь настигла меня на лестничной площадке моего дома. В квартире напротив все мое детство жила фармацевт тетя Света, к которой я иногда заходила посидеть на кухне, попить сладкий компотик. Потом тетя Света уехала в Штаты к сыну, а свою квартиру сдала его другу, который только что вернулся из Нью-Йорка. И тут, наверно, можно очень долго рассказывать про то, как я была влюблена в музыкального продюсера лет на десять старше себя, жившего в течение лет семи с другой женщиной, потом еще с одной, практически на расстоянии вытянутой руки... Не могу сказать, что это была безответная или несчастная любовь, это не так. Это было невероятно, я ценила каждый момент, проведенный вместе с ним, постоянно ждала и искала встречи, росла и развивалась за ним. Не будь этой любви, я бы не познакомилась с огромным количеством людей, не полюбила бы до такой степени музыку, не экспериментировала бы так часто, не была бы так восприимчива, не научилась бы смотреть людям в глаза так подолгу, не стала бы тем, кем я стала. У него был чертовски хороший вкус. Спустя много лет я поняла, что для меня это значило практически все, и мне тоже всегда хотелось обладать этим свойством. Мне было чему поучиться у этого человека. Вот так прагматично.

Если говорить о работе, то, пожалуй, стоит начать с того, что я – фанат самодисциплины, гиперответственный трудоголик и немного шиза по этой части. Последние годы я очень плохо сплю, потому что все время думаю о том, успела ли я что-то сделать, успею ли я это сделать завтра, стоит ли что-нибудь переделать, а может все переделать, ну и так и далее. И я бы была в этом абсолютно счастлива, если бы меня никто никогда не отвлекал и не напоминал о том, что нужно хотя бы есть. Хотя, наверно, я преувеличиваю. И точно не всегда была такой.

Когда я искала свою первую работу, мне хотелось заниматься журналистикой, писать музыкальные и кинообзоры, в общем, заниматься, такой около искусствоведческой деятельностью. Я заканчивала 11-й класс, не имея ни одного текста, но с кучей амбиций и заблуждений по поводу собственной оригинальности. И, в принципе, мне везло. В один прекрасный день я написала «рецензию на себя», сравнив себя с сочетанием красного и зеленого цветов, и отправила ее в только что открывшуюся в Петербурге редакцию журнала «Афиша». Меня пригласили на собеседование и там, гордо демонстрируя сумку собственного производства, я предложила взять меня хотя бы не в «штаб». Кстати, если проводить параллели с моей сегодняшней деятельностью, то, возможно, тогда, сидя в кабинете главного редактора, недавно прибывшего из Москвы, я впервые задумалась о том, как соотносится социальный статус человека с тем наркотиком, который он употребляет. В общем, да, мне предложили попробовать написать материал к 300-летию Петербурга. Я его написала, а потом увидела, как его порезали. После этого я писала еще в несколько журналов, но с каждым разом все больше приходила к выводу, что журналистика – все же не моё. В промежутке (в 2003 г.) я поступила в питерский филиал московского Полиграфа на вечернее, потом поступала на факультет социологии (чтобы мама отстала), и провалилась на первом же экзамене, потом во ВГИК. ВГИК меня надломил. Я поняла,

что иногда нужно все-таки более профессионально встраиваться в нормативную реальность, нужно читать то, что нужно отвечать на экзамене, и ни в коем случае нельзя приходить на экзамен в шлепках и с ногтями разного цвета. Но это был отличный опыт, я не сдала только последний экзамен (устную литературу, ну какая могла быть «Гроза?»), и только по собственной дурости. Зато посмотрела «Астенический синдром» Киры Муратовой на большом экране. Это того стоило.

Потом я на улице познакомилась с молодым человеком, который привел меня в документальное кино, в котором я проработала полтора года. И это был бесценный опыт! Не знаю, как это вышло, но почти сходу меня отправили изучать архивы, связанные с революцией 1917 г., потом разрабатывать вместе с режиссером-англичанином сценарий, потом искать экспертов, потом сопровождать съемки, брать интервью, транскрибировать, участвовать в переговорах с французскими продюсерами и т.д. Вероятно, там был проложен мой путь в социологию. Все было прекрасно за исключением «калачакры» — одного из ответвлений буддизма, или как-то так, к которому принуждало начальство. Кино — это всегда очень динамичная работа, а калачакра — медитация, сложно по четыре часа сидеть на месте, чтобы «почувствовать» какой документ должен возникнуть в середине фильма, а потом идти и долго искать его в архивах, основываясь на описаниях, увиденных кем-то в медитативном сне. Ну, правда, такая это была работа, одна из лучших, но всему есть предел. Но чему я за это время только не научилась...

Потом было игровое кино. Я работала директором кастингового агентства, которое искало только профессиональных актеров. За два месяца мы записали тысячу получасовых видео с петербургскими театральными актерами, я похудела на 10 кг, поругалась с режиссером и решила бросить кино.

Мне исполнилось 22 года, и спустя 9 дней умер папа. За день до 40 дней я упала с велосипеда и сломала колено. Год спустя я окончила Институт печати (или «печали», как мы его называли) и поступила в аспирантуру.

Саша, Ваша мама — профессор социологии, а кем был Ваш отец?

Папа был кандидатом экономических наук, сколько я его знала, занимался изучением коренных народов Севера, был президентом благотворительного фонда «Бесконфликтный Север», постоянно ездил в экспедиции далеко-далеко, много общался с шаманами... В молодости работал на телевидении. Всегда мечтал написать сценарий, но так и не написал. Тоже поступал во ВГИК, но по легенде не поступил из-за корявого почерка (папину работу просто не смогли прочитать). Вообще-то, папа приехал из Тюмени, а родился в Свердловске. Долго, очень долго нам говорили, что мы очень похожи, а мой брат называл нас «митьками». Папа был тонким, чувствительным, обаятельным человеком, умел произвести впечатление, любил философствовать. Когда я была маленькой, у нас была традиция по вечерам вместе выходить гулять с собакой и разговаривать о самых разных вещах. Я всегда ждала этой прогулки. Сейчас самое теплое последнее воспоминание о папе — как мы стоим на кухне возле мааленького окошка в стене глубиной 50 сантиметров, курим сигареты, болтаем и наблюдаем за тем, как по железнодорожному мосту идут поезда из Петербурга в Москву. Мне всегда жутко нравилась эта идея, что выезжая из Питера, если папа дома, то можно помахать ему из окна поезда, проезжая мимо его дома.

Кстати, именно папа сто лет тому назад рассказал мне о профессии социального антрополога и, аргументировано утверждая, что это одна из самых перспективных специальностей, объяснил, почему надо бы поступать на соответствующую кафедру. И хоть я не поступила, но дистанцированным уважением к этому делу прониклась навсегда.

Как Вы объясните то, что Вас потянуло в науку, в аспирантуру? «Бегство» от той полубогемной жизни?

Шли годы, нужна была новая форма, короткий жанр перестал удовлетворять, появилось стремление к фундаментализму. Возможно, это объяснение звучит несколько высокомерно, но отчасти оно точно правдивое. Мне хотелось попробовать сделать что-то, что было бы от и до мое, и заняло несколько лет. Авантюра, приключение, испытание с другими действующими лицами и в другой форме – в защите диссертации были все составляющие, которые всегда привлекали меня в жизни и в работе. К постоянным новым знакомствам я привыкла давно, почему не попробовать? К тому же эта идея лежала на поверхности и ничему не противоречила, напротив, я наконец-то могла сделать то, что от меня всегда ожидали, но уже «из» собственного опыта, со своими интересами и взглядом на жизнь.

Будет неправильно не сказать о том, что моя мама – профессор социологии на факультете социологии СПбГУ и, конечно, ей всегда хотелось, чтобы я все-таки пришла в науку. Только мне для того, чтобы осознать, что социология для меня интересна, понадобилось довольно много времени. С другой стороны, я как-то сама доросла до этого решения, и крайне благодарна маме за ее терпение до, а в процессе – за неоценимую поддержку. Кто бы еще смог читать все, что я пишу, да еще по стольку раз, да еще и обсуждать это со мной постоянно!

Да, Саша, Вы рано повзрослели, разные стороны мира узнали на собственном опыте. Куда Вы поступали в аспирантуру, к кому, по какой теме, как шла работа?

В аспирантуру я поступила в 2009 г. на факультет социологии СПбГУ к Владимиру Ивановичу Ильину. Если быть честной, в тот момент все это было довольно странным, на факультете я не училась, социологии не знала, социологов и подавно. Не знаю, как я поступила. Правда. Блат почему-то в моем отношении всегда плохо работал, наверное, потому что мама никогда не умела просить.

Поступала без четких идей, хотя диплом был в итоге про домашнее насилие в социальной рекламе, услышав это и другие биографические детали, прагматичный Владимир Иванович предложил мне ряд тем, среди которых, не поверите, были наркотики. Тут стоит сказать, что для меня социология – это любопытство, все, что вызывает вопрос – мне интересно, а если интересно мне, то, скорее всего, и еще кому-то, потому что должен быть тот, кто открывает закрытые поля. Я взялась за эту тему, потому что уже давно думала о том, почему потребление наркотиков считается настолько «аморальным». Среди моих знакомых была масса потребителей самых разных веществ самых возрастов, все они были успешны, «интуитивная стигматизация» была непонятна, но интересна. С этого и начался мой дивный новый путь в мир наркотиков, который Владимиру Ивановичу, конечно, было сложно контролировать.

Особенно после встречи с Гилинским. Якова Ильича я встретила в первый же год, по совету Владимира Ивановича написала ему письмо и поехала в гости. Ну и началось, наркотики легализовать, заключение упразднить, всех освободить и дать возможность дышать... Так я и живу с тех пор. Радуюсь каждой возможности приехать к ЯИ и НН, и наперед вдохновиться тем, чего нет даже в тех, кто младше 20. Но это вечная песня, для Якова Ильича я спою еще не раз, *be sure*. И вообще, Яков Ильич, конечно, этого не знает, но для меня, не имевшей дедушек, он стал кармическим дедушкой, если бы у меня был выбор...

Если говорить об аспирантуре в целом, то это было не просто, факт. Тема, в итоге она сформулировалась как «Потребление наркотиков в структуризации социальных отношений», многим не нравилась, содержание — тем более. Не было ни одной конференции, на которой меня не спрашивали о том, употребляла ли я с информантами. Меж тем, я изучала то, как потребление наркотиков производит/воспроизводит структуру общества, а общество — потребление наркотиков. Самым важным открытием этих трех лет стала биографическая конференция ESa, на которой я узнала, что все, что я делаю можно рассматривать через призму автобиографии, и в том самый смак. И в этом, кстати, сыграла определенную роль Е.А. Здравомыслова, с которой мы тогда познакомились и о которой она сейчас не вспомнит. С тех пор, да, у меня пошел небольшой переключник на автоэтнографию, мне очень нравится описывать мои приключения в поле. Я сама себя критикую за излишнюю включенность, но зато в этом есть жизнь, я бываю в разных местах и общаюсь с разными людьми, пытаюсь обобщить свой опыт в этом всем.

По итогу работы над диссертацией я пришла к выводу о том, что все взаимно конструируется: государством — проблема и соответствующее своим радикальным представлениям медицинско-правовое поле, потребителями — в зависимости от количества обладаемых ими ресурсов, разнообразные стили жизни и стили потребления. Потом одно накладывается на другое, и в результате получается слепая, недифференцированная политика, отрицающая всякую возможность различения во имя некогда сформулированных представлений о невозможности сосуществования тех, кто употребляет и всех остальных. Соответственно, за несоблюдение выставленной сверху нормы, «отклоняющиеся» должны быть наказаны и, по возможности, максимально дистанцированы и даже исключены из жизни «стабильного» нормативного большинства.

Что касается моего поля. Нет такой этической и социологической возможности, чтобы описать все чувства по этому поводу. Нет ничего лучше, чем разрушать собственные стереотипы и постоянно расширять спектр восприятия жизни. Я знаю, что это непрофессионально, но очень многие информанты стали для меня близкими людьми, которых я люблю и хочу поддерживать.

На предзащите я чувствовала себя маленьким котенком, у которого была пара козырей в рукаве — оппоненты — Гилинский и Мейлахс. Яков Ильич не мог прийти, но написал искрометную рецензию о том, что «Фуко был бы доволен», а Петр пришел и поддержал лично. В процессе было страшно, тучи сгущались, но меня спас Борис Николаевич Миронов, который сказал, что «диссертантка может сама решить, сможет ли она защищаться». Слово Бориса Николаевича вкуче с рецензиями моих дорогих оппонентов решили судьбу моего диссера. Пройдя предзащиту в международный день борьбы с наркотиками, я защища-

лась 11 сентября 2012-го... Это отдельная история, в которой «зеленый змий победил», а я «выбрала науку вместо диссертации», главное — защита состоялась, а два месяца спустя я стала председателем правления Санкт-Петербургской Ассоциации Социологов (СПАС).

Саша, только что Вы перестали быть председателем правления СПАС, Ваши коллеги положительно оценили Вашу деятельность на этом посту. Не могли бы Вы сказать, что удалось Вам сделать на этом посту, что «завещали» Вашему преемнику?

В этом случае я не могу быть оригинальной, всегда сложно самому оценить, что действительно удалось, а что кажется, что удалось, а на самом деле не совсем и т.д.... Вроде удалось сделать достаточно динамичный сайт, распространить знание о СПАС на более широкие интернет-аудитории через создание групп в социальных сетях, удалось поддерживать связь со многими членами СПАС, установить партнерские отношения, как на уровне отдельных людей, так и на уровне институций. Удалось организовать большую конференцию и школу для молодых ученых. Удалось несколько неплохих фуршетов, а Владимир Иванович (Ильин) всегда меня учил, что главное в науке — хороший фуршет, потому что люди вместе едят, пьют, а потом производят научное знание. Я с ним согласна.

Мне бы хотелось думать, что удалось отдать что-то теплое и сердечное, что не так ощутимо, как школа или конференция, но потом, может быть, кто-нибудь вспомнит, каким Дмитриева была душевным президентом — любила выкладывать иронические картинки на сайте и много улыбалась. Например, так.

Мы заканчиваем нашу беседу в момент, когда Вы перебрались в Москву. Вы думаете работать в социологии или меняете сферу, нишу деятельности?

Я пока не перебралась, это со стороны так многим кажется. Просто раньше мне никогда не нравилась Москва, но я часто там бывала. А последний год (2014) я стала ездить в Москву еще чаще, т.к. у меня там возникла работа, в том числе и полевая — проект «Уличные юристы». Это проект, основанный на взаимодействии социальных работников, юристов и потребителей наркотиков, как правило, живущих на улице. Я в нем работала социологом, документирующим кейсы правого/социального сопровождения, которые возникают в результате этих взаимодействий. Проект оказался настолько вдохновляющим, что я вдруг полюбила Москву, узнала ее совсем по-другому.

У меня уже было похожее ощущение, когда я писала диссертацию. В течение всех трех лет я работала с кейсом человека, который в возрасте 20 лет выпал из окна и с тех пор передвигается на коляске (сейчас ему 46). Кроме того, большую часть своей жизни он употреблял и продавал наркотики, которые в его биографии заняли совершенно особое место. Это как раз прекрасный пример двойственного характера структуризации: долгое время он сам виртуозно определял место наркотиков в своей жизни, но в какой-то момент наркотики (а точнее наркополитика) переопределили его место в социальном и физическом пространствах. Последние два года мой самый любимый информант, мой друг отсидживает срок в тюремной больнице, это строгий режим. Но за 3 года, что я документировала этот кейс, мое собственное отношение и способность к принятию самых разных вещей, кардинально изменились. Все начиналось с того, что я привыкала к человеку, не способному самостоятельно передвигаться. Потом к карательной

психиатрии, наказывающей человека за то, что он испытывает боль не от того, что ему отрезали ногу, а от того, что не знает, как теперь на коляске четко вписаться в угол, и поэтому просит отрезать вторую. Потом я восхищалась японскими автобусами с ручным управлением и алгоритмом жизни, придуманным обездвиженным человеком, но основанным на мобильности. И самое главное, этот человек изменил мое восприятие любой реальности, там, где принято демонизировать и ужасаться, я теперь вижу скрытую от большинства повседневность и способы адаптации к самым страшным условиям. Наблюдая за жизнью моих информантов, я пришла к выводу, что лучшее, что я могу для них сделать — видеть их «нормальными», достойными уважениями, такими, какими они хотели бы, чтобы я их видела, без всех этих стигматизирующих статусов, без этой грязи, которая на них постоянно льется. Не испытывать отвращения или жалости, не подчеркивать особенности, а просто относиться к ним, как к друзьям, близким, знакомым, прохожим. Люди, лишённые физических недостатков или болезней, заметных окружающим, зачастую лишены и целой палитры чувств, возникающих на фоне аккумуляции человеческого тепла в процессе даже обычного разговора. Я бы никогда не узнала, как много может быть в сочетании двух слогов «са» и «ша», если бы однажды не услышала их от человека, который был в отчаянии, но очень ждал меня. Я бы никогда не научилась видеть и ценить красоту, если бы не смотрела в глаза одноглазой девушки и не улыбалась бы в ответ на широкую улыбку без передних зубов. Я бы хоть чуточку не хотела стать революционером, если бы не оценила цитирование Джона Рида по памяти, трижды отсидевшим за хранение наркотиков интеллигента. И так далее...

Так вот, возвращаясь к Москве. Там очень интересное поле, в которое я погружалась сначала дистанционно — через переписку с участниками проекта, а потом непосредственно в Москве, в разных частях города, на улице, где сотрудники проекта общаются с потребителями и предлагают им помощь и поддержку, в процессе интервью и фокус-групп. И это целый ворох трагических историй, в которых вообще нет места человеческому отношению ни на каких уровнях взаимодействия, не только с государством, но и на уровне отдельных семей, отношений между детьми родителями, братьями и сестрами, женами и мужьями. Это то, о чем много писали классики на волне моды на глобализацию и общество потребления. Человеческие жизни перемалываются в этой бездушной мясорубке, производящей универсальную для всех нормативность, или оказываются выброшенными как мусор на обочину жизни. В этих выходах в вечернюю окраинную Москву, холодной зимой и в жаркое начало лета, я вновь открыла для себя столько разных чувств, от жуткого страха до прямо сакрального трепета по поводу желания одних людей помогать другим. Людям, которые на твоих глазах последовательно лишаются всего, а потом еще и оказываются за решеткой, очень сложно помочь, потому что система их выталкивает с невероятной силой и изощренностью. Но в этом проекте, каждый человек, который в нем работает, каждый юрист и соцработник, не просто отрабатывают свои профессиональные навыки на таких отчаянных случаях, но отдают такое количество сердечного тепла, что находясь рядом, ты сам неминуемо освобождаешься от любых предрассудков и стремишься действовать, следовать их примеру. Современные герои, молодые, красивые, умные, смелые. Так я полюбила этот город.

Во многом благодаря этому внезапно возникшему чувству, у меня появилась другая работа, которая чуть более тесно связана с Москвой, чем с Петербургом. Ниша деятельности осталась прежняя, просто теперь я «захожу» на социологию с другой стороны. Да и по правде, я надеюсь, что именно сейчас у меня появится возможность дописать книжку, частично собранную из материалов диссертации и тех текстов, которые я написала, работая с «уличными юристами», и в еще одном, более абстрактном, исследовании правоприменительных практик в отношении все той же группы. И уж точно никакая смена ниши деятельности, места работы или еще что-то не смогут меня сейчас переубедить в том, что я таки социолог.